

Н. А. БОРТНИК

ЦЕХ ЛАНА ГОРОДА БОЛОНЬИ 50-х гг. XIII в.

Суконное производство являлось, как известно, важнейшей отраслью городского ремесла в средневековой Западной Европе. В связи с этим представляет немалый интерес изучение цеха Ланы в одном из крупнейших городов Италии XIII в.—Болонье. Между тем специального исследования об этой корпорации в указанное столетие нет.

Итальянские буржуазные ученые уделили немало внимания истории экономики средневековой Болоньи¹, включая, разумеется, вопросы деятельности цехов², в частности Ланы³.

Для итальянских буржуазных историков характерно игнорирование социальных противоречий внутри цехов, стремление анализировать все преимущественно с точки зрения формально юридической.

Из русских дореволюционных исследователей посвятил несколько страниц экономике Болоньи XIII в. М. М. Ковалевский, который коснулся также деятельности цехов⁴, в частности Ланы, в 1256 г.⁵

Советские ученые, внесшие немалый вклад в изучение истории городов папской области⁶, уделили внимание социально-экономическому развитию Болоньи в XIII в.⁷, в том числе и ремесленно-цеховому производству⁸.

Представляется необходимым выделить работу Л. А. Баткина, в которой дается общая характеристика Ланы по данным статута 1256 г.⁹

Анализируя этот статут¹⁰, мы ставим себе целью по возможности всесторонне охарактеризовать Лану в пятидесятых годах XIII в.

Для данного цеха, как и подобных ему, статут являлся своеобразной конституцией. Все его члены обязаны были дать присягу в том, что они будут его соблюдать¹¹; высшие должностные лица — изучить его в течение первого месяца своего правления (318, СХХVII) и внести в него за это время добавления, утвержденные цехом (304, ХХIII), дважды читать на собрании цеха статут (294, ХХХII) и, как будет показано далее, добиваться строгого выполнения всего, им предусмотренного, решительно бороться с попытками выступать против этого.

Классовая направленность статута особенно ярко проявилась в стремлении защитить частную собственность членов цеха (высшая администрация должна ежегодно в январе добиться от подеста Болоньи права не допускать во всем городе отдачи под залог обрабатываемых материалов (293, ХХVIII)); работники не имеют права закла-

дывать взятое у хозяев для обработки (306, СХХХV); промывальщики обязаны дать присягу в том, что сохранят в хорошем состоянии шерсть, полученную для обработки от членов цеха (316, СХХV); нельзя покупать шерсть у подозрительных лиц и воров (300, VIII); в течение одного-двух дней каждый обязан сообщить гастальдам о ставшем известным ему воре (300, X), и за это он от Ланы получит денежное вознаграждение (там же, VIII); запрещается членам цеха помогать вору или выступать в его защиту: ни перед гастальдами, ни перед подеста Болоньи, ни в городском суде (там же, XI); кто похитил сукно или шерсть, должен быть арестован и доставлен властям Болоньи (315, СХХI); рабочему, оказавшемуся вором, запрещается предоставлять работу (299, LV) и обеспечить членам цеха возможность эксплуатировать лиц наемного труда, подавлять сопротивление последних социальному гнету.

Хотя статут издан под названием *dell'arte della Lana* (283), но в его тексте фигурируют следующие термины: *sotietas*, *ars*, *misterium*. Чаще всего в статуте встречается термин *societas* (288, IX; 289, XI; 291, XVIII; 292, XVI; 293, XXVII; и др.) и нередко *ars* (290, XIV; 293, XXX; 295, XXXXV и др.); а иногда эти понятия объединены вместе (напр., *de societate artis*, 285, I) или рассматриваются как идентичные (*artis vel sotietas* 294, XIII—I). Что же касается термина *misterium*, то один из капитулов статута, четко отделяя его от *sotietate* (*si quis de misterio, qui esset de societate*, 302, LXVI), создает впечатление, что речь идет о различных организациях, но остальные главы источника свидетельствуют о другом — перед нами один и тот же цех. Так, о мистерии идет речь при рассмотрении многих важных вопросов, касающихся также *societate* или *ars*, например, о предоставлении работы наемным лицам (291, XXI; 294, XXX; 301, LXIII; 307, LXXXVIII; LXXXII), приобретении сырья (301, LVII) и некоторых других материалов, необходимых для производства сукон (307, LXXXVIII); об устройстве заговоров (287, I) и допущенной несправедливости по отношению к должностным лицам (290, XVII). Кроме того, из содержания некоторых статей ясно, что *misterium* и *ars* (или *sotietas*) — однозначные термины: правонарушения совершаются *hominibus de misterio*, но штраф *sit artis* (307, XXXVIII; 310, CIII); должностные лица не могут принимать кого-либо *in misterio in dicta sotietate* (304, LXXI). Наконец, отметим следующее выражение: «*In reformatione totius misterii artis Lane*» (319, I).

Возможно, что составители статута пользовались термином *misterium* потому, что им, как известно, в раннее средневековье обозначали ремесленные корпорации¹².

Лучше всего представление о наименовании изучаемого нами цеха, который, как это принято в литературе, мы будем называть Лана, дает первый параграф его статута, начинающийся словами: «*Iugo ego ... de societate artis Pannorum lane lane*» (285).

Лана была не совсем обычным средневековым цехом, но существенно своеобразным, если учесть, что речь идет о XIII в., к тому же первой его половине¹³.

Из типичных черт цехов следует прежде всего отметить широкую регламентацию. Нельзя было изготавливать сукно из шерсти ягнят и баранов (319, II), а также покупать сукна и меха, сделанные из этого сырья (321, номер статьи не указан)¹⁴. Экстиматоры (*extimatores*) проверяли производимую в Болонье шерсть — не являлась ли она сырой или мокрой. Если это обнаруживалось или продавец шерсти отказывался показать ее экстиматорам, запрещалось членам цеха ее купить (318, CXXVIII).

Регламентировалось не только качество сырья, но и готовой продукции, поэтому требовалось, чтобы, во-первых, все работники не изготавливали сукна из шерсти прежде, чем покажут ее высшему должностному лицу цеха — гастальду (*laboratores non fatiant pannum, nisi primo demonstraverint lanam castado, 292, XXI*) и, во-вторых, в валяльных мастерских имелись ничем не испорченные сукна (*pannos sanos et salvos, 302, LXVIII*). Красильщики должны были аккуратно и хорошо окрашивать драп и шерсть (309, CI; 310, CII), от них требовалось принять присягу о добросовестном выполнении работы (310, CVI). Драп и шерсть не могли быть изготовлены в нарушение постановлений цеха (*contra ordinamente artis 290, XV*), а наоборот — полностью соответствовать нормам, установленным им (*secundum modum statutorum artis, 315, CXVIII*).

Об этом должны заботиться прокураторы (*procuratores teneantur procurare drappos et lanam ad utilitatem artis, 314, CXVIII*), которые обязаны были передать массарию (*massarii*) и гастальдам обнаруженные им сукна и шерсть, не соответствующие установленным правилам, для наложения штрафа на нарушителей (315, CXVIII), а если эти материи очень плохие (*pannos falsas vel lanam falsam*), — передать их городским властям для сожжения (315, CXXI)¹⁵.

Какое важное значение придавалось качеству сукна и шерсти, видно из того, что, во-первых, запрещая осуждения членов цеха без следствия и требуя предоставления им возможности для защиты, статут делает исключение по отношению к лицам, у которых обнаружены ткани, плохо изготовленные (292, XXIII) и, во-вторых, на одном из первых мест стоит вопрос о борьбе против *de lanis falsis* в присяге вновь избранных гастальдов (287, I). Недоброкачественные сукна запрещалось покупать (320).

Регламентация касалась также некоторых других вопросов производства. Нельзя было перерабатывать сукна, если важнейшая их часть (*ordinatura*) сделана из льна и конопля (313, CXIII); добавлять в сукно, изготавливаемое из шерсти и хлопка (*mecalana*), марлю (*gascatura, 306, XXXVIII*); указывались определенные цвета шерсти и сукна, а если их окрашивали иначе, то они подлежали сожжению (*si aliqua lana vel pannus inveniretur que tinta esses et non esset rivana vel garbo ..: comburetur, 315, CXX*); установлены были меры длины тюков различных сортов ткани и количество нитей в их основе (*nemo fatiat telam tutalani vel mecalanam que sit plus vel minus. XXXIII. portatis, ordinatam cum. XX. filis et que non sit longitudines. L. brachiarum ad minus, 308, LXXXVI*).

Особенно широко регламентировались взаимоотношения между членами цеха и лицами наемного труда (см. далее), существовала в Лане и регламентация в области торговли. Члены цеха должны были продавать сукна в определенном месте (322), очевидно, *in campo mercati* (293, XXVIII), находясь при этом в помещениях, называвшихся «банками» (*qui venerit ad vendendum pannos debeat stare intra bancum*, 292, XXVIII; см. там же, XXVI). Имеются в виду те случаи, когда члены цеха покидают свои дома или мастерские, куда обычно приходили лица, желавшие приобрести сукна (*ducent emptores per homines artis ad eorum stationes ... mittent ad domum illorum seu ad stationem eorum*, 317, CXXVII). При этом запрещалось посылать вестника или члена семьи для продажи сукон за пределами своего дома (290, XIV).

Что же касается нечленов Ланы, то им запрещалась подобная продажа (312, CX), а поскольку в статуте не упоминается об их торговле в «банках», то это означало лишение их права вообще продавать сукна.

Одновременно запрещалось покупать «укороченную ткань» (*tellam curtam*, 307, LXXXI), т. е., очевидно, куски ткани меньше установленной длины. Купленная за пределами Болоньи и его дистрикта ткань не могла обрабатываться, пока она не смерена аккузаторами цеха (*assacatoribus artis*, 309, LXXXVII). Нельзя было приобретать шерсть у подозрительного лица (*suspecta persona*, 287, I) и смазанную шерсть (или просмоленную — *si quis spalmaverit lanam*, 301, LXII).

Иногда сукна покупались членами Ланы (321), причем друг у друга (*aliquis de misterio emerit pannos ab alio unum vel plures*, 319), вероятно, для переработки, а не для перепродажи: при всей неясности соответствующего места в источнике (*si quis de misterio emerit pannos ab alio unum vel plures, quod incontinenti debeat ipsum vel ipsus facere de domo, et non ponere ipsum vel ipsas inter suos, nec super banchum ante se eum teneat*, 319—320) создается впечатление, что речь не идет о торговле.

Для переработки члены цеха приобретали ткани также за пределами Болоньи и дистрикта (309, XXXVII). Разумеется, они изготавливали изделия из сырья, о чем свидетельствует отмеченная нами строгая регламентация его качества.

Производство осуществлялось в домах. Это особенно отчетливо видно из 84 капитула статута, в котором идет речь о том, что члены Ланы *artem in domo sua exercuerit vel exerceri fecerit* (306). Об этом же свидетельствуют такие факты, как запрещение членам цеха уносить из своих домов или посылать через нунциев шерсть для обработки (291, XX) и ежемесячная проверка прокураторами использования в этих домах некоторых орудий производства (297, XXXVI). О домах как помещениях, в которых велась работа, имеются и другие сведения (303, LXVIII; 317, CXXVII; 321). Кроме того, производство осуществлялось в мастерских, чаще всего фигурирующих в источнике под названием *stationes* (294, XXXV; 317, CXXXVII; 319, 321, 322), но упоминаются *tellarium* (315, CXXII) и *gualchearius* (302, LXIII—I; 302, LXVIII; 304, LXXIV) — сукновальня.

Сукновальни были, очевидно, весьма и, вероятно, даже наиболее распространенным видом мастерской, о чем свидетельствует тот факт, что при вступлении в Лану взнос взимался с сукновальни и дома (303, XVIII).

Сукновальни использовались не только их хозяевами, но и другими членами Ланы. Статут предоставляет право всем ее членам валять там, где они считают целесообразным (*omnes homines societatis possint ire ab gualchandum ubicumque volluerint*, 302, LXV). Одновременно он требует от хозяев сукновален, чтобы они не покидали мастерских и обеспечили их сохранность (*sia mitterentur vel devastarentur, rederre vel emendare*, 302, XIII).

Сукно производилось разных сортов. В статуте, как видно из сказанного, неоднократно упоминается *rapnus* и, кроме того, в нем имеется немало сведений об изготовлении драпа (309, CI; 310, CII; 314, CXVIII; 315, CXVIII). Очевидно, Лана особенно заинтересована в его производстве: запрещалось лицам, занятым изготовлением драпа, уходить из Болоньи в Имолу и другие места (306, XXXVI).

Лана также вырабатывала шерсть (309, CI; 310, CII; 315, CXVIII).

Другой типичной чертой средневекового цеха, свойственной Лане, явилось стремление к установлению монополии производимых изделий и особенно их реализации. Правда, знаменитого *Zunftzwang* мы здесь не находим, но существовали другие обстоятельства, имевшие целью максимально ограничить возможность изготовления изделий нечленами Ланы, если они производились данным цехом. Особенно ярко это сказалось в стремлении монополизировать наемный труд. В 30-й главе статута сказано, что *gastaldy* обязаны следить за тем, чтобы *laboratores* выполняли то, что им предлагают члены цеха, а в случае отказа необходимо наложить на них штраф (*Statuimus quod castaldi teneantur facere observari omnibus laboratoribus ea que promiserunt hominibus artis; et si nollent attendere, teneantur eos ponere in banne ... 293*). Ясно, что если *laboratores* обязаны выполнять работу, предлагаемую им членами Ланы, то это ведет к монополии на их труд. Что же касается одной из групп *laboratores* (*garcatores* — лиц, занятых очисткой шерсти золой, которую им давали заказчики), то они вообще не имели права работать у нечленов Ланы без разрешения высшей администрации цеха (*nullus garcator debeat garcare pannum sive pannus alicui qui non sit de misterio, sine licentia castaldi ...*, 307, LXXXII).

К монополии Ланы в области производства должен был привести также запрет хозяевам сукновален обрабатывать не принадлежащие членам цеха сукна, в которых были смешаны шерсть и хлопок (*pannum mesalanam*, 301, 63).

В аспекте вопроса о монополии следует также рассмотреть, во-первых, предписание всем, желающим заниматься изготовлением сукон, включая иногородних лиц, в частности флорентийцев и веронцев, осуществлять производство в соответствии с правилами Ланы (314, CXVI) и, во-вторых, запрет члену цеха объединяться для изготовления сукон с человеком, не входящим в состав Ланы. Если же такое содружество

состоялось, то вступление в цех является обязательным для последнего (311, CVIII).

Однако Лане не удалось установить желательную ей монополию. В Болонье суконным производством занимались и нечлены цеха, как местные жители, так и пришельцы, о чем имеются прямые упоминания в статуте (*aliquis qui fatiat vel fieri fatiat pannos..; forensis qui faciat pannos in civitate Bononie; qui sit de sotietate artis vel non sit ...*, 306, LXXX; *forensis qui faciat pannos in civitate Bononie*; 304, XXVI).

Более удачно Лана действовала в области продажи сукон. Статут запрещает такую продажу лицам, не входившим в ее состав (312, CX; 315, CXXII). Этого удалось добиться, судя по тому, что, когда речь идет о торговле, *mercatores* упоминаются только как лица, продающие сырье (299, VI) и приобретающие сукна (317, CXXVII), очевидно, для вывоза их за пределы Болоньи. О том же, что *mercatores* не являлись членами цеха, имеются прямые указания (*si quis merchator, vel alter qui non sit de sotietate ...*, 289, XII).

Спецификой Ланы, причем весьма важной, явилось широкое использование наемного труда¹⁶. В ее статуте неоднократно упоминаются *laboratores* (288, VII; 292, XXIII; 293, XXX; 294, XXX; 299, V; 303, XVIII; 306, XXXIII, XXXV; 307, XXXX; 308, XXXXV; 316, CXXVIII), нанимающие на работу. Лабораторами источник прямо называет ткачей (307, XXXX), чесальщиков шерсти, стригальщиков сукон и других материй (*petinatores et tonditores*, 316, CXXVIII), но в нем встречаются и такие выражения: *allis laboratoribus* (288, VII; 307, LXXX), *de omnibus allis laboratoribus* (308, LXXXV), *omnibus laboratoribus* (316, CXXVIII), т. е. речь идет о большой группе людей. К ним относились кроме упомянутых ткачей, чесальщиков и стригальщиков, красильщики (*tintores*), валяльщики (*gualchiranos*), промывальщики шерсти (*lavatores*), *garcatores*, *cotonatores*, *concatores* и *affaitatores*. Все они характеризуются как лица, «работающие руками в мастерских» (*qui laborant manibus per stationes*, 288, VII). Их объединяет многое, но есть и немало отличий, сказывающихся в частности в том, что, кроме красильщиков, расплачивающихся за долги имуществом (*dent in ipris bonis*, там же), все лаборатории платят дебиторам деньгами (*solvi debeant in denariis*, там же).

Красильщики, очевидно, работали дома, о чем свидетельствует то, что им приносили шерсть (310, CIII), они получали сукна, драп (309—310, CI), различные ткани (310, CV) и пряжу (там же, CII). Статут обязует их взвешивать шерсть и пряжу, которые они получают для окрашивания от членов цеха (*tintores omnes teneantur pesare laman et filum, qui accipient ad tingendum ab hominibus huis artis* (там же).

О том, что красильщики обрабатывали материалы, которые им не принадлежали, имеется много данных. Во-первых, в случае плохой окраски драпа и шерсти гастальды и консилиарии должны были заставить их исправить положение и вернуть материалы владельцам (там же, CII). Во-вторых, статут рассматривает ситуацию, при которой красильщики получили от члена цеха шерсть, сукна или ткани (*si quis de misterio dederit lanam vel pannum vel telas ad tingendum alicui tintori*,

там же). В-третьих, красильщики названы среди тех лиц, которые не должны выполнять работу для мастера цеха (*magister artis*), ушедшего из Болоньи в другое место для изготовления сукон (306, XXXVI). Следовательно, вообще-то красильщики для него трудятся. В-четвертых, красильщикам запрещено выполнять работу для людей, не входящих в состав Ланы (310, CIII).

Приказывать красильщикам можно было потому, что не являясь членами цеха, они находились под его юрисдикцией (*nullus de arte, ... nec tintores... qui sit sub arte*, 299, LI).

Статут обязует красильщиков хорошо выполнять эту работу, как видно из сказанного, а также из того, что гастальды должны были требовать от них присяги это делать (310, CVI).

Чесальщики также трудились для членов Ланы. Они обязаны были выполнить полностью работу, о которой договорились с хозяевами и без их разрешения не могли ее прекратить (*incerperint laboreria que conveniunt facere hominibus de misterio, non debeant se a dicto opere separare sine licentia domini cui promiserit laborare, nisi complevit laborerium totum*, 316 CXXIII): Чесальщики, или во всяком случае большая часть из них (чесальщицы¹⁷), работали в своих мастерских, о чем свидетельствует установление максимального количества материала, который разрешалось членам цеха давать за пределами своего дома чесальщикам для обработки (*nullus debeat dare ... alicui petinatrici ad petinandum extra domum suam ultra. IIII. libras, et non plus*. 302—303, LXVII).

Ткачи, наоборот, в основной своей массе трудились в мастерских членов Ланы. Об этом свидетельствует то, что, если *laboratores*, изготавливающие сукна, отказались показать шерсть гастальду, они штрафуются, а неуплатившим штраф члены цеха не должны, согласно распоряжению гастальда, давать работу. Те же лица, которые без разрешения гастальда позволяют неплательщику штрафа ткать в своем доме (*illi qui dimitteret eum texere in domo sua sine verbo castaldo*), штрафуются (291, XXI).

Ткачам не принадлежали материалы, которые они обрабатывали. Это отчетливо видно из того, что в случае плохой обработки драпа и шерсти они по указанию гастальдов и консилиариев должны исправить ошибку и вернуть материал тому, кому он принадлежал (310, SP). Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, если ткачи не выполнили работу, согласно соглашению с одним членом цеха, и перешли к другому, никто не должен был предоставлять им работу (307, LXXXX).

Статут не лишает ткачей свободы наниматься на работу, но обязует их прежде выполнить ранее взятый заказ (308, XXXXV). Можно даже предполагать, исходя из текста этой главы (*laborandum ubicumque et cum quocumque voluerit*), что они могли работать и для лиц, не входивших в состав Ланы.

Ткачи работали у хозяев: в статуте рассматривается ситуация, при которой ткач переходит от одного члена Ланы к другому (*iverit ad laborandum alicui alii homini artis*, 307, LXXXX).

Выполнять заказы нечленов цеха могли и *garcatores*¹⁸, но только с разрешения гастальда (307, LXXXII). Ясно, что вообще они трудились для членов Ланы. К тому же статут упоминает их среди лиц, которым запрещается работать на мастера только в том случае, если тот покинул Болонью для производства драпа в другом месте (306, LXXXVI), откуда вытекает, что в обычной обстановке гаркаторы у него трудились.

Гаркаторы обрабатывали чужие материалы. Это видно из того, что в случае плохой обработки драпа и сукна они должны были исправить ошибку и вернуть эти ткани тем, кому они принадлежали (310, CII). Гаркаторы получали не только сырье, но и некоторые орудия производства — прибор для очистки шерсти (*tondellam*) и пестик (*pillum*, 307, LXXXVIII)¹⁹. Эти вещи они не могли задерживать у себя без согласия тех, кому они принадлежали (там же). Отсюда следует, что гаркаторы работали у себя дома.

Лана, очевидно, была заинтересована в труде гаркаторов: при известной ситуации им и только лишь еще двум группам лабораторов разрешалось давать работу — *affiatoribus et concatoribus pannorum* (306, LXXXIII), о которых в нашем источнике вообще имеется это единственное упоминание. *Affaitatores*, вероятно, разрезали готовую ткань, а *concatores* придавали ей окончательный блеск и лоск, т. е. являлись аппретурщиками.

Cotonator упоминает наряду с красильщиком, гаркатором и валяльщиком (*gualchiranus*, 306, LXXXVI). Подобно первым двум лицам, ему запрещалось при известной ситуации работать на магистра (там же), а в обычной обстановке он трудился для него.

Сложнее обстоит дело с валяльщиками. Кроме уже приведенного факта их работы на хозяина, имеется еще одно обстоятельство, свидетельствующее об этом. Валяльщик, как красильщик и «всякий другой работник», не может иметь залогом то, что ему дано для обработки (*nullus gualchiranus neque tintor nec aliquis alius laborator debeat tenere sub pignore illi cui laboraverit, occasione laborare fecerit...*, 306, LXXXV).

Слова «всякий другой работник» — яркое свидетельство того, что валяльщики относились к лицам наемного труда.

Однако этого нельзя сказать о всех валяльщиках. При изложении вопроса о местах производства мы уже упоминали хозяев сукновален. Подчеркнем теперь, что источник их называет «*domini gualcheriarum*» (302, XIII или *gualchariarum*, LXV) и обратим внимание на следующее место в статуте: «*Omnes, gualchiranos, et eorum servientes qui ad gualcherias steterint*» (301, LXIII). *Servientes* и есть те валяльщики, которые нанимались на работу к хозяевам сукновален.

Таким образом, мы видим резкую дифференциацию среди лиц, связанных с сукновальнями: одни являются их хозяевами, а другие их обслуживают. Есть все основания предполагать, что последние когда-то сами были хозяевами, а теперь разорились.

Хозяева сукновален не являлись ни предпринимателями, ни торговцами-предпринимателями: они трудились в своих мастерских. Это

видно из того, что статут обязует их хорошо обрабатывать сукно членов цеха (*bene gualcare pannos hominum misterii, ibid.*). Таким образом, хозяева сукновален выступают перед нами как ремесленники, работающие на заказ. Но они пользуются наемным трудом — в их мастерских работают разорившиеся ремесленники.

Все это является ярким показателем эволюции, происходившей в Лане.

Следует еще сказать о стригальщиках (*tonditores, tonsores*) и промывальщиках.

Стригальщики трудились для членов цеха, о чем отчетливо свидетельствует их обязанность закончить работу, если существует соглашение с членами Ланы, они не имеют права отказаться от работы без согласия хозяина (316, СХХIII). Стригальщики получали не только сырье, но и некоторые орудия производства (прибор для очистки шерсти и пестик), которые они не могли задержать у себя без согласия их владельцев (307, ХХХV). Это является доказательством работы стригальщиков у себя дома.

В статуте дважды идет речь о том, что промывальщикам дают шерсть (306, ХХХII; 316, СХХV). Они не имели права прекратить работу без согласия собственника шерсти, который, судя по тому, что об этом заботятся гастальды, безусловно, был членом цеха (316, СХХV).

Можно предполагать, что промывальщики работали у себя на дому и имели собственные орудия производства — чаны, в которых обычно кипятили шерсть²⁰. Статут запрещает им работать ночью, обязует их выполнить полученный заказ в течение дня (306, ХХХVII; 316; СХХV). Это было связано не со стремлением охранять промывальщиков от вредного ночного труда, а с защитой интересов членов Ланы — обеспечить хорошее качество. После кипячения шерсть промывалась в холодной проточной воде²¹, что при ночной работе не могло, разумеется, обеспечить высокого качества.

Таким образом, мы видим, что все лаборатории получали сырье, а часть из них — орудия производства от членов цеха; некоторые лаборатории трудились в мастерских последних, а другие — у себя дома. Однако все они обязаны были выполнять заказы членов Ланы, никто из них не мог распоряжаться произведенными изделиями. В статуте лаборатории ни разу не упоминаются как продавцы сукон и других материй. Наоборот, речь идет о запрете купить у гаркатора и стригальщика *garcaturam* (307, LXXXIII). Все это свидетельствует о том, что даже лаборатории, которые работали в своих домах собственными средствами производства, являлись, пользуясь словами В. И. Ленина, *quasi* — самостоятельными производителями²² и в действительности были низведены «на положение наемных рабочих»²³.

Можно с полной уверенностью сказать, что это положение было тяжелым, хотя нам ничего не известно о продолжительности рабочего дня и о размере заработной платы.

Тяжелым бременем на рабочих ложились многочисленные штрафы: за нарушение распоряжений высшей администрации общего характера

(292, XXII); за отказ выполнять предлагаемую членами Ланы работу (293, 000); за то, что они оставляют у себя материал, данный им для обработки (306, LXXXV); промывание шерсти ночью (там же, XXXVII), продажу гаркатуры (307, XXXVIII), невыполнение работы по соглашению (там же, XXXX) и ее исполнение для нечлена цеха без разрешения гастальда (там же, XXXXII); работу для мастера, ушедшего из Болоньи для производства сукна в другом месте (310, CIII); нарушение установленных городской коммуной правил производства (там же, CIII); устройство заговоров (там же, CVI; III, CVII); отказ от выполнения работы без разрешения хозяина (316, CXXIII), в частности, промывальщиком в дневное время (там же, CXXV).

Штрафы накладывались по 5, 10 и 20 солидов. Самым большим был штраф в размере 100 солидов (за участие в заговоре).

Другим видом репрессий по отношению к лабораторам было лишение их работ: за отказ показать гастальду обрабатываемую шерсть (291, XXI); воровство (299, X) и переход от одного члена Ланы к другому, не закончив работу (307, XXXX); невыплату штрафа, взимаемого с участников заговоров (310, CVI) и за прекращение работы, начатой по соглашению с хозяином (316, CXXIIIIV). Кроме того, такая репрессия применялась к рабочему, получившему вещи или деньги от одного члена цеха и намеревавшегося перейти к другому члену цеха (306, XXXIII).

Последнее обстоятельство свидетельствует о бедственном положении рабочих — не имея чем прожить, они вынуждены были брать аванс у хозяев, что вело, разумеется, к установлению экономической зависимости от них.

Лишение лабораторов работы всеми членами цеха — яркое свидетельство сплоченности Ланы в своих действиях против лиц наемного труда. Оно резко ухудшало положение рабочих — обрекало их на голодное существование.

Естественно, что лабораторы вели против этого борьбу, однако полностью отразить ее наш источник не может в силу своего нормативного характера, но он предусматривает возможность, что все лабораторы «fecerint contra misterium» (308, XXXXV), а о красильщиках, в частности, сообщает исключительно интересные сведения.

106 глава обязывает гастальдов требовать от всех красильщиков Болоньи присягнуть в том, что они выполняют их распоряжения и постановления Ланы, будут добросовестно окрашивать шерсть и выполнять другую работу, которая поступает к ним от членов цеха (*tingere lanas et laboreri hominum artis que ad eorum manus pervenerint bona fide*) (310, CVI); не будут устраивать никаких заговоров (*non facere aliquam septam vel conspirationem, ibid*). В следующей главе повторяется требование не устраивать заговоры и уточняется, против кого они направлены — против цеха в целом (*contra misterium, 311, CVII*).

Повторное предъявление этого требования само по себе показательно, а то, что осуществить его должны были вновь избранные гастальды (там же) — свидетельство неудач их предшественников добиться ликвидации заговоров, хотя статут прямо указывает на необхо-

димось это сделать (*aliquam septam vel conspiracyem... 310, CVI*). Неудача вполне объяснима: красильщики или во всяком случае часть из них продолжали борьбу, несмотря на угрозу большого штрафа, наложение которого далеко не всегда достигало своей цели — некоторые красильщики отказывались его выплатить. Это отчетливо вытекает из того, что статут устанавливает наказание для таких лиц, причем весьма суровое — лишение работы (там же).

Характерным является и то, что вновь избранные гастальды обязаны были добиться быстрой ликвидации заговоров — в течение трех дней после принесения красильщиками присяги не устраивать *aliquam septam vel conspiracyem* (311, CVII). Показательным является и другое. Гастальды теперь не ограничиваются угрозой штрафа в прежнем размере, но берутся обеспечить полностью интересы красильщиков в отношении предоставляемой им членами цеха работы (*facere plenam iustitiam et rationem tintoribus de eo, quod homines artis eis dare* (там же)). Если же хозяева не выполняют требуемое от них, накладывается штраф, который они обязаны выплатить в течение 3 дней, а за каждый день отсрочки платы с них взимается пеня. Одна ее половина поступает в казну Ланы, другая передается красильщикам (там же). Следует отметить, что это единственное упоминание в статуте о получении лабораторами штрафа.

Как видно, одних репрессий по отношению к красильщикам было недостаточно, необходимо было идти им на уступки — обещать учесть их интересы, чтобы избежать новых заговоров, которые, тем не менее, очевидно, возникали: надо быть слишком наивным, чтобы думать, будто высшая цеховая администрация, во всем защищая интересы хозяев, была способна обеспечить целой группе лабораторов «*plenam iustitiam et rationem*» (там же).

Суммируя сказанное, считаем возможным прийти к заключению, что красильщики являлись наиболее сплоченной частью лабораторов и способны были развернуть борьбу в такой степени, которая заставляла хозяев идти на некоторые уступки. Подавление этого сопротивления эксплуатации, защита интересов работодателей являлась важнейшей задачей высшей цеховой администрации Ланы.

К последней принадлежали гастальды и массарий. У них было право устанавливать плату, вносимую членами цеха (291, XVIII), и творить суд (287, V; 287—288, VI). Решения и постановления гастальдов и массария нельзя было опротестовать (288, VIII), запрещалось возбуждать против них дела в городском суде (*in curia communis*, 290, XIII).

Гастальды выбирались членами цехов в количестве трех человек, один из них являлся массарием (*elligere ... tres castalados; et unus eorum sit massarius*, 294, XXXV).

Массарий должен был учитывать все доходы и расходы Ланы и через 15 дней после истечения его полномочий (он избирался на 6 месяцев, (там же) отчитаться на собрании членов цеха (там же, XXXIV).

Полномочия гастальдов были значительно шире, они касались различных сторон деятельности Ланы. Это видно из сказанного о регламентации, производстве и торговле.

Важнейшей задачей гастальдов было наблюдение за деятельностью наемных рабочих для того, чтобы обеспечить хозяевам возможность их эксплуатации и подавления борьбы угнетенных. Статут прямо указывает на необходимость такого наблюдения (*Statuimus quod castaldi teneantur facere observari omnibus laboratoribus ea que promiserunt hominibus artis, 293, XXX*) и грозит рабочим репрессиями в случае невыполнения ими распоряжений гастальдов и массария (292, XXIII). Таким образом, гастальды должны были добиваться от красильщиков прекращения их борьбы против хозяев.

Гастальды совместно с шестью советниками (*consiliariis*) решали все вопросы, касающиеся Ланы, без общего собрания членов цеха (*tractare et ordinare negotia artis, sine codunatione totius societatis*). Принятые в таком случае постановления не подлежали никаким изменениям и должны были строго соблюдаться (*quicquid ordinaverint et firmaverunt sit firmum et ratum, 294, XXXIII*).

Гастальды обязаны были ежегодно в январе добиться от подеста Болоньи предоставления им исключительного права (*unum bannitorem*) распоряжаться во всей Болонье делами, непосредственно затрагивающими интересы Ланы (293, XXVIII). Они также должны были обеспечить внесение в статут города правил, выгодных цеху (293, XXXI).

Два гастальда выбирались из числа иногородних (веронец и тосканец), один был жителем Болоньи (294, XXXV).

В течение восьми дней после выборов гастальды обязаны были назначить двух человек для оценки деятельности ранее находившегося у власти массария (*videant rationem massarii precedentis, 295, XXXVI*) и проверки того, насколько правильно он учитывал доходы и расходы Ланы, а в случае обнаружения злоупотреблений заставить его возместить в двойном размере нанесенный цеху ущерб (296, XXXXI). В тот же срок гастальды обязаны были назначить двух *puntios*, двух *extimatores* и двух *accusatores* (295, XXXVI).

В обязанности нунциев входило извещать членов цеха о всех делах, их касающихся (там же), в частности, находиться при гастальдах и массарии, когда членов Ланы созывали для объявления о решениях гастальдов и массария (*reddere rationem, 316, CXXVI*). Экстиматоры должны были проверять качество привозимой в Болонью для продажи шерсти (318, CCXXIII), акузаторы — следить за выполнением глав статута о торговле в «банках» (295, XXXVI).

Остальным должностным лицам гастальды должны были в тот же восьмидневный срок дать указания о том, что им предстоит делать (296, XXXVIII). Они (*offitiales artis*) избирались, как и сами гастальды, сроком на шесть месяцев (там же, XXXVIII; 294, XXXV)²⁴ и состояли из трех прокураторов (*procuratores*) и шести асакаторов *tellatum et pannorum* (286, I; 295, XXXV).

Прокураторы обязаны были ежемесячно посещать дома членов цехов с целью проверки того, как используются приборы для чесания шерсти (297, XXXXVI) и два раза в месяц, а если потребуют гастальды, то и чаще — для проверки качества изготавливаемых драпов (314, CXVIII). Если гастальды не проконтролировали соблюдение запрета

о продаже сукон нечленами Ланы за пределами их домов, это могли сделать прокураторы (312, СХ). Через них, как и гастальдов, следовало сообщить обо всем противоречившем статуту или направленном против «чести цеха» (*contra honorem societatis*, там же СХI). Члены Ланы обязаны были доложить прокураторам о лицах, подозреваемых в том, что они в своих домах хранят материалы вопреки существующим правилам и не желают их передать в распоряжение прокураторов (316, СХХIII). Прокураторы, подобно гастальдам, имели право позволять членам цеха от их имени задерживать тех, кто ворует сукна и шерсть (315, СХХI).

Обязанностью асакаторов было измерение продаваемых тканей и сукон (296, I; 309, LXXXVII—1).

К должностным лицам Ланы относились также 2 «добрых мужа» (*boni homines*), хотя и непричисляемые статутом к *officialibus* цеха²⁵. Их назначали гастальды для проверки всего относившегося к деятельности Ланы (296, ХХХII), в частности, вместе с гастальдами они обязаны были осматривать сукно и драп, которые давали для окрашивания (311, СVII).

Если учесть, что статут не указывает срок, на который назначались «добрые мужи», можно предполагать, что они были экстраординарными должностными лицами, во всяком случае до 1262 г.²⁶

На постоянные должности, кроме назначаемых гастальдами лиц, выборы осуществлялись на собрании. Представительство — один человек от мастерской, где производились сукна (294, ХХХV). Причем статут отмечает, что правом выбирать и быть избранным пользуются только члены Ланы, продолжающие заниматься своим ремеслом (295, ХХХV).

По-видимому, в Болонье существовали районы или кварталы, называвшиеся *brevia*, среди которых выделялись шесть, где имелись списки лиц, сходящихся на собрание по одному от мастерской (*Statuimus quod fieri sex brevia, in quorum sit una crux, et ponantur inter alia brevia non scripta; que brevia sint tot cum scriptis, quot erunt illi qui debent ire ad brevia; et ad ista brevia debeant ire omnes et singuli de societate qui interfuerint condonationi, ita quod vadat ad brevia tantum unus pro statione . . .*, 294, ХХХV). Шесть *brevia* сообща выбирали гастальдов (*et illi qui habuerint predicta sex brevia scripta elligere debeant communiter tres castaldos*, там же), три — консилиаторов, три — прокураторов (294, ХХХV).

Упоминание тех, *qui habuerint predicta sex brevia scripta u qui habuerint illa sex* (295, ХХХV), позволяет предполагать, что словом «*brevia*» означали также документы, дававшие право на участие в выборах: «*quicumque ex predictis brevibus habuerit . . . qui de predictis brevibus scriptis habuerit*» (там же).

Выборы считались действительными, если они осуществлены большинством (*et in eum vel eas consentire debeant de quo vel de quibus maior pars fuerit in concordia* (там же)). В этом, как и в запрете вторично в течение года избирать одних и тех же лиц, следует видеть черты демократизма.

Демократическим моментом также являлся упомянутый порядок участия в выборах должностных лиц только по одному человеку от каждой мастерской, а также представительство по одному человеку от каждого дома на цеховом собрании, поскольку он устанавливал равенство в политической области между членами цеха, среди которых, несомненно, существовала социальная дифференциация. Одним из ее показателей является наличие в одних домах по два производителя, а в других больше лиц (*si duo vel plures essent in domo . . .*, 299, LIIII), связанных с изготовлением сукон и различных тканей (напомним, что дома служили и производственным целям).

Запрет занимать одновременно две должности (297, XXXIIII) и предоставлять особые полномочия гастальдам (*licentia generalie vel spetialis*, там же XXXXIII), а также запрет последним принимать в цех новых членов (такой прием мог иметь место только с согласия большинства или всех членов Ланы, выраженного на общем собрании, 304, LXXI) — проявление демократизма. Об этом же свидетельствует утверждение статута всеми членами цеха (*ab omnibus et singulis postre sotietatis plenius confirmata*, 285, преамбула), т. е. соблюдение принципа единогласия.

Сказывается также стремление обеспечить законность и не допустить злоупотребления со стороны высшей администрации. Наоборот, должна быть обеспечена возможность справедливой защиты (*nullus possit condemnari nisi fuerit requisitus primo: qui si iustam defensionem hostendere poterit audiatur*, 292, XXIIII).

Очевидно, для того, чтобы высшая администрация не была заинтересована во взимании штрафов, сверх предусмотренных статутом, запрещается ей получать часть из них и устанавливается для гастальдов и массария жалование по 3 фунта каждому (296, XXXVII).

Стремясь обеспечить добросовестное выполнение должностными лицами их функций, статут предусматривает штрафы, уплачиваемые за нарушение ими своих обязанностей (293, XXVIII; 294, XXXIV; 296, XXXVIII; 308, LXXXVI).

Одновременно наблюдаются и недемократические моменты: высшая администрация цеха, кроме массария, не отчитывается перед членами Ланы; нельзя опротестовывать ее указания (288, VIII) и возбуждать против нее дела в суде Болоньи (290, XIII).

Несмотря на многие демократические черты в организационной структуре Ланы и зафиксированное в ее статуте стремление к обеспечению законности, она не могла преодолеть конфликты между членами цеха, поскольку их частнособственнические интересы, естественно, порождали противоречия между ними. В этом аспекте характерно то, что статут предусматривает возможность возникновения раздора (*discordiam*) между покупателями и продавцами сукон (325, VII). А нам известно, что члены цеха нередко выступали в этих двух ролях.

Поскольку Лана была не только производственной ячейкой, но и социальной²⁷, ее интересы могли прийти в столкновение со стремлением некоторых лиц и даже целых групп суконщиков.

Вот почему мы находим в статуте немало сведений о столкновениях

между членами цеха, выступлениях против существовавших в нем порядков и высшей администрации Ланы. Уже в первой главе содержится текст присяги членов цеха, обязующей лиц, которые избраны гастальдами, полностью ликвидировать все разногласия (*omnes discordias que fuerint inter homines artis toto posse reducam*), обеспечить мир, единодушие и спокойствие (286). Все это было исключительно важно, злостно.

Не случайно запрещалось устраивать ссоры и драки (*rixam vel misclantiam*), во время которых могли быть не только оскорбленные, но и раненые (298, L); вступать в конфликт с гастальдами и массарием (290, XIII); содействовать одному человеку в ущерб всему цеху (299, LIII); объединяться для борьбы с гастальдом или устраивать заговор против него и цеха (*nullus de sotietate fatiat aliquam sotietatem vel conspirationem in misterio contra castaldum vel contra misterium*, 291, XVIII).

Очевидно, такие заговоры все же устраивались. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что если кто-нибудь из членов цеха сообщил гастальдам или прокураторам о происходящем где-то действии, направленном против статута и «достоинства цеха», они должны были как можно быстрее отправиться в указанное место и заняться расследованием (*si denuntiatum vel dictum fuerit per aliquem de sotietate castaldis vel procuratoribus, quod sit in aliquo loco contra statuta aliquid vel contra honorem sotietatis, teneantur quam citus poterint ire et inquirere id quod eis dictum vel denuntiam fuerit*, 312, CXI).

Происходившая в Лане борьба имела столь глубокие корни, что никакими средствами нельзя было ее предотвратить, но попытки ослабить ее путем сглаживания существовавших противоречий, очевидно, имели место. В этом аспекте мы склонны рассматривать выборы двух гастальдов неболонцев. Очевидно, существовала надежда, что они, не будучи лично заинтересованными в делах Ланы, смогут вести объективную политику и тем самым *не только* не дадут оснований для обострения противоречий между членами цеха, но даже будут сглаживать их и способствовать ослаблению борьбы внутри Ланы.

Подводя итоги сказанному, можно прийти к следующим выводам. Лана обладала типичными для средневековых цехов чертами — строгая регламентация и стремление к установлению своей монополии в области производства и продажи сукон и других тканей. Однако она существенно отличалась от этих цехов. Во-первых, тем, что, преобладающее большинство ее членов являлось предпринимателями-торговцами и только одна группа представляла собою ремесленников, работавших на заказ; во-вторых, широким использованием труда лиц многих профессий, которые, несмотря на различия, иногда существенные, в обладании мастерскими и орудиями труда, все находились на положении наемных рабочих, подвергавшихся тяжелому социальному гнету, против которого они вели борьбу, особенно красильщики, являвшиеся наиболее сплоченной группой лабораторов, которая заставляла хозяев иногда идти им на уступки; в-третьих, Лана была монолитна в стремлении заставить лиц наемного труда работать для ее членов, в обес-

печении их эксплуатации и в подавлении сопротивления рабочих угнетению.

Своеобразия Ланы естественны, поскольку речь идет о XIII в.— кануне раннекапиталистических отношений в Италии²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, обзор этой литературы за первую половину нашего столетия. Dal Pane Gli Studi sulla economica bolognese del Medio Evo nel secolo XX. — «Giornali degli Economisti e rivista di statistica», Padova, anno XVI, N 3—4, 1957, pp. 135—147, а также Dal Pane L. L'economica bolognese del secolo XIII e l'affraccazione dei servi. — *Ibid.*, anno, XYIII, N 9—10, 1959, pp. 552—569; C. G. Mor. Storia politica d'Italia. L'età feudale, volume secondo. Milano, 1952, p. 335; Dupré Theseider, Eugenio. Aspetti della città medievale, Bologna, 1956, pp. 126, 148; E. Sestan. Italia medievale, Napoli, 1968, pp. 100, 101; G. Volpe. Storia d'Italia, vol. I, Roma, p. 252; Storia d'Italia, vol V, Torino, 1973, p. 2084.

² A. Gaudenzi. Le società della arti in Bologna nel secolo XIII e loro statuti. — In: Statuti della società del popolo di Bologna. A cura di A. Gaudenzi, vol. II, Roma, 1896, pp. VII—XXI (далее Statuti), F. Valsecchi. Le corporazioni nell'organismo politico del Medio Evo Milano. CCXXXI, pp. 126—134.

³ F. Valsecchi. Op. cit., p. 130; G. Barbieri. La produzione della Lana italiana all'età dei comuni al secolo XIII. — «Economica e storia», Milano, anno XX, 1973, N 2, p. 170.

⁴ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. 3. М., 1907, с. 46, 59—61, 92—96, 115—117, 119, 121, 122, 123, 143, 147, 170—1.

⁵ Там же, с. 117—118.

⁶ См.: Н. А. Бортник. Экономика Витербо первой половины XIII в. — В сб.: АДСВ, вып. 8. Свердловск, 1972, с. 142.

⁷ Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. М., 1967, с. 125—127, 136—145; О. В. Лікар. 3 історії соціально-економічного розвитку Белонської Коммуни в XIII ст. — «Вісник Харківського університету», № 45, історична сер., вип. 4, 1970, с. 54—61.

⁸ М. А. Гукровский. Итальянское Возрождение. Л., 1947, с. 80—81; Л. М. Баткин. Период городских коммун. — В кн.: История Италии, т. 1. Под ред. акад. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970, с. 218—220; Victor I. Rutenburg. Le corporazioni. — In: Storia d'Italia, vol V, Torino, 1973, p. 628—629.

⁹ Л. М. Баткин. Период городских коммун, с. 220.

¹⁰ В 1896 г. А. Гауденци издал «Statuti dell'arte della Lana, approvati nell'anno. MCLVI» (Statuti . . . , p. 285—325). Они представляют собою не датированный текст из 128 глав (Там же, 285—319) и двух добавлений (reformationes) к нему (Там же, 319—325), последнее из которых апробировано было консулами и анцианами Болоньи в феврале 1262 г. (Там же). Однако принято говорить об одном статуте 1256 г. Этой традиции мы и будем следовать.

¹¹ Statuti . . . , p. 285, сар. I В дальнейшем ссылки будут даны в тексте, страницы указаны арабскими цифрами, главы — римскими.

¹² См., напр.: Л. М. Баткин. Период . . . с. 206.

¹³ Ясно, что хотя статут Ланы датируется 1256 г., зафиксированные в нем явления имели место уже в первой половине XIII в.

¹⁴ В связи с тем, что на с. 319—235 номера капитулов иногда не указаны, мы не будем их указывать.

¹⁵ Кстати отметим, что Лана зависела от коммуны Болоньи и успешно с ней сотрудничала. Уже в преамбуле статута идет речь о том, что он должен соответствовать законам, существовавшим в городе (salvis statutis et hordinamentis communis Bono-

pie... Statuti..., p. 285), а в первой главе — о присяге каждого, кто избран на любую должность в цехе, содействовать росту славы коммуны (dabo oragam... ut in honore communis Bononie augeatur, 286). Иногда Лана отдавала половину штрафа, налагаемого на провинившегося члена цеха, коммуне (316, СХХII), с которой она сотрудничала в борьбе против воров и нарушителей постановлений об изготовлении доброкачественных тканей (315, СХХI), в частности, передавая городским властям для сожжения плохое сукно, изготовленное человеком, который не входил в состав Ланы (323). Ее члены обязаны были пользоваться при продаже сукон мерой длины, равной коммунальной (297, ХХХХVII). Речь идет о rassume (шаге) и при покупке шерсти — системой весов, имевшейся в Болонье (310, СIII). Впрочем, некоторые другие меры длины должны были соответствовать тем, которые были в Вероне (portatus, brachia, 308, LXXXХVI).

В городском статуте имелись главы, касавшиеся Ланы (304, LXXII), а ее гастальды получали полномочия от подеста Болоньи изъять в городе и дистрикте сукна, изготовленные прибывшими в Болонью людьми, если они нарушили цеховые правила о производстве (314, СХVI).

¹⁶ Этим обстоятельством, очевидно, объясняется отсутствие в Лане подмастерьев и учеников. Упоминаемые в статуте factores не являлись подмастерьями как в некоторых итальянских городах. См.: В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии XIV — начала XV века. М. — Л., 1958, с. 30, 31; а были составителями статута (facta sunt hoc statuta... per nos factores pannorum lane, 285, I). Что же касается familiarem, о которых идет речь в 114 главе, что никто из членов цеха не должен посылать его, как и нунция, продавать за пределами своего дома сукна (с. 290), то вряд ли он был учеником, поскольку трудно предполагать, что последнему хозяева могли доверить такое важное дело. Очевидно, familiarem — член семьи лиц, входивших в Лану (nullus portet pannum..., nisi fuerit de societate artis..., vel de sua familia..., 312, СХ).

¹⁷ Свидетельством этого является упоминание один раз в статуте чесальщиков (316, СХХIII) и дважды чесальщиц (302, LXVII; 305, LXXXVII).

Отметим, кстати, что Лана, очевидно, широко использовала женский труд: в двух главах ее статута идет речь о работнике и работнице (aliquis laborator vel laboratrix, 292, ХХIII; alicui laboratori vel laboratrie, 204, ХХХ).

¹⁸ В чем заключалась их профессия, точно сказать трудно. М. М. Ковалевский (Экономический... с. 118) считает, что они очищали шерсть золой, приобретенной заказчиками. Очевидно, это близко к истине, поскольку современный исследователь Дж. Барбиери рассматривает гаркатуру (garatura) как очищенную шерсть (G. Barbieri. Op. cit., p. 180).

Очевидно, слово «гаркатура» имело различное значение. Дю Канж утверждает, что оно происходит от итальянского «garza». (Du Cange. Glossarium mediae latinitatis, IV, p. 38), а это означает «вуаль, марля».

¹⁹ В латино-русских словарях дается такой перевод, но, очевидно, речь идет не о пестике, употреблявшемся в бытовых целях, а о вещи, необходимой при производстве сукон. У Дю Канжа сказано: «pila-vas quoddam ad usum eorum, qui pannus parant» (Op. cit. V, p. 253).

²⁰ См.: В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. М. — Л., 1951, с. 131.

²¹ Там же.

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 3, с. 435.

²³ Там же, т. 2, с. 399.

²⁴ Хотя в статуте говорится «castaldi... elligere» (295, ХХХVI), речь идет о назначении перечисленных лиц, не указывается ни среда, из которой они избирались, ни каким образом они избирались.

²⁵ Перечень этих лиц см.: там же, с. 286, 1.

²⁶ Лишь в дополнении к статуту, сделанном в этом году, указывается, что гастальды обязаны в течение восьми дней после их вступления в должность назначить «добрых мужей». Причем теперь речь идет о 4 лицах, называются они «bonos, legales et magnos homines». Там же, 322, II; и подробно описываются их функции. — Там же, 322—323.

²⁷ Цех имел свою торговую площадь (mercatum quod ad artem pertineat, 301, LXII), закрытое помещение для продажи товаров (bina artis in foro, 298, ХХХХVIII; bina mercati, там же, L) и дом, где, очевидно, находились важнейшие должностные лица

(299, LI. См. также упоминание об этом доме 291, XXII; 298, LI). Возможно, в этом доме хранилась книга, куда заносились *popen et cognomen* каждого члена Ланы (293, XXVII). Лана взымала вступительный взнос (*intraticam*, 297, XXXXIII) и возлагала на своих членов ряд обязанностей: принять любую предложенную ему должность (286, I — 299, LII) и вносить плату (*expensas sotietas*) в размере, установленном высшей администрацией (291, XIX).

Лана распространяла свою юрисдикцию не только на своих членов, но еще на некоторые группы населения Болоньи — статут упоминает «*qui sit sub artis*» (299, LI), применяя по отношению ко всем как репрессивную меру взимание штрафов. Имена людей подобным образом наказанных вносились в особую книгу (*in libro bapponum*, с. 288, VI).

²⁸ В. И. Рутенбург. Ранний капитализм. Городские восстания XIV—XV вв. — В кн.: История Италии, т. 1, с. 274.